

УДК 821.512.122.09

КОНЦЕПТ ВРЕМЕНИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.О. АУЭЗОВА КАК МОСТ МЕЖДУ КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ И ГЛОБАЛЬНЫМ МОДЕРНОМ

КАСКАБАСОВА ХОРЛАН СЕИТОВНА

Старший преподаватель кафедры русского языка и литературы факультета филологии
Казахского национального педагогического университета им.Абая, Алматы, Казахстан

Аннотация: В данной статье исследуется философско-эстетическая природа концепта времени в литературном наследии Мухтара Ауэзова. Используя методы культурфилософского анализа, автор подробно рассматривает, как в прозе Ауэзова синхронизируются циклическое восприятие времени, характерное для традиционной кочевой цивилизации, и линейная историческая динамика глобального модерна. Особое внимание уделяется трансформации закрытого «степного мира» в универсальное культурное пространство через органический синтез национальных традиций и мирового литературного опыта XX века. В ходе исследования доказывается, что категория времени в произведениях писателя выступает уникальным онтологическим мостом. Автор делает вывод, что эта темпоральная модель обеспечивает преемственность казахской идентичности в условиях радикальных глобальных социально-культурных сдвигов, превращая национальный эпос в достояние мирового интеллектуального наследия

Ключевые слова: концепт времени, кочевая цивилизация, глобальный модерн, культурный синтез, идентичность, философия истории.

Введение

Методологическую основу данной статьи составляет комплексный подход, сочетающий методы литературоведческого анализа, культурфилософской интерпретации и компаративистики. В качестве ключевого инструмента используется герменевтический метод, позволяющий выявить скрытые онтологические смыслы в художественной ткани произведений М.О. Ауэзова.

Особое значение в работе уделяется цивилизационному подходу, в рамках которого кочевая культура рассматривается не как архаичное прошлое, а как динамическая система со специфическим восприятием временных циклов. Для анализа перехода к глобальному модерну применяется метод историзма, позволяющий проследить эволюцию художественного сознания писателя от этнографической конкретики к универсальным категориям бытия. Теоретической базой послужили труды З. Ахметова и Н. Анастасьева, что обеспечило преемственность в изучении поэтики и философии ауэзовской прозы.

Темпоральный синтез в творчестве М.Ауэзова

Творческое наследие Мухтара Ауэзова представляет собой уникальный прецедент в мировой литературе XX века. В эпоху глобальных трансформаций писатель сумел не просто запечатлеть уходящий быт кочевой цивилизации, но и выстроить интеллектуальный «мост», соединивший традиционное сознание с глобальным модерном. Центральным элементом этой конструкции выступает авторский концепт времени.

Традиционная культура номадов опиралась на циклическое восприятие времени, тесно связанное с природными ритмами. Однако в эпопее «Путь Абая» М.О.Ауэзов переводит это «замкнутое» время в русло линейной истории. Время у М.О.Ауэзова – это «связующая нить», где прошлое не отрицается, а переосмысливается как фундамент для будущего.

От природного цикла к историческому вектору

Для кочевника время традиционно измерялось повторяющимися циклами: временами года, перекочевками (*джауляу*, *кыстау*) и 12-летним животным циклом (*мүшел*). М.Ауэзов показывает, как через сознание Абая это «замкнутое» время разрывается. Появляется

осознание исторического прогресса, где каждый момент уникален и требует перемен, а не простого повторения традиций предков.

Характеризуя художественное время в эпопее, З.А.Ахметов отмечает, что М.Ауэзов показал «процесс духовного роста личности», который вырывает героя из замкнутого круга родовых обычаев и вводит его в поток большой истории [1, 183].

Время как диалог культур

М.Ауэзов выстраивает «мост», соединяя степную устную традицию (степное знание, передающееся из поколения в поколение) с письменной культурой Запада и Востока.

Прошлое представлено родовыми институтами и обычаями.

Настоящее – это точка выбора и драматического надлома.

Будущее – просвещение и интеграция казахов в глобальный контекст.

М.М.Ауэзов развивает идею «времен связующей нити», где кочевое прошлое не отрицается, а становится фундаментом для современной идентичности. М.М.Ауэзов пишет, что М. Ауэзов «своим творчеством совершил прорыв из изоляции родового сознания к общечеловеческому гуманизму» [2, 245].

Эпическое и психологическое время

М.Ауэзов соединяет масштаб эпоса (где время течет медленно, веками) с психологизмом модернистского романа. Герой Абай живет в двух измерениях одновременно: он плоть от плоти своего народа, но его мысли опережают эпоху на десятилетия. Это делает его фигуру «вневременной», понятной современному глобальному читателю.

М.М.Ауэзов писал, что «на долю Мухтара Ауэзова выпала миссия – стать связующим звеном между двумя мирами, двумя эпохами в истории своего народа» [2, 11].

Эпическое время: Ритм истории и рода

Особого внимания заслуживает то, как М.О. Ауэзов интерпретирует само переживание времени в кочевой среде. Для традиционного сознания, которое описывает автор, время не является абстрактной величиной — оно антропоморфно и привязано к ритмам природы. Это время перекочевков, время смены сезонов и жизненных циклов. В первых книгах эпопеи мы видим почти статичное, величественное спокойствие степи, где события измеряются не часами, а поколениями и легендами.

Эпическое время – это «большое время» народа. Оно медленное, монументальное и объективное. Цикличность, повторяемость ритуалов, незыблемость степных законов. Здесь личность подчинена роду.

Это панорамные сцены кочевков, асов (поминальных пиров), родовых съездов. Время здесь течет как вечный поток жизни поколений. Создает фундамент кочевой цивилизации, показывая её мощь и устойчивость.

Психологическое время: Ритм внутренней жизни личности

Психологическое время – это время субъективное, прерывистое и интенсивное. Это признак литературы модерна. Внутренние монологи, рефлексия, «поток сознания», мгновенные озарения.

Это моменты сомнений Абая, его духовных кризисов и творческого воодушевления. В такие моменты внешнее время (степной быт) замирает, а внутреннее – ускоряется. Один час раздумий героя может занимать в тексте больше места, чем целый год кочевки [1, 114-116].

З.А.Ахметов подчеркивает, что Ауэзов первым ввел «диалектику души» в казахскую эпическую традицию.

Через образ Абая Ауэзов показывает трансформацию сознания: от пассивного следования традиции к активному созиданию истории. Здесь время выступает не как внешняя сила, а как внутренний ресурс личности, стремящейся вписать свой народ в общемировой контекст.

Синтез «Космоса» кочевья и «Логоса» модерна

Г.Д.Гачев рассматривает роман «Путь Абая» как уникальный случай, когда «степной космос» кочевников встречается с формами европейского романа (модерна). Он пишет о «взаимодополнении природно-циклического ритма жизни кочевника и линейного сознания просветителя» [3, 362].

Слияние с природой, преобладание слуха и голоса (устная традиция), циклическое время перекочевков.

В первых книгах эпопеи мы видим «Космос» в его первозданности – запахи полыни, звуки домбры, иерархия рода. Это мир, где человек – часть пейзажа.

Писатель берет «Логос» (европейскую форму романа) и наполняет его энергией «Космоса» (степным эпосом).

Появляется новый тип мышления. Абай переводит смыслы Логоса (мировую мудрость) на язык Космоса (казахское слово). Его переводы «Письма Татьяны» или Гёте – это и есть момент, когда «Логос» модерна зазвучал в «Космосе» кочевья.

«Степь – это не просто география, это состояние духа, где время растворено в пространстве» [3, 363].

Модерн как осознанная необходимость

Понятие «глобальный модерн» в данном исследовании рассматривается не просто как хронологический период, но как сложный социокультурный процесс, характеризующийся переходом от традиционных, циклических укладов к линейному, ускоренному историческому времени. Для кочевой цивилизации, которую описывает М.О. Ауэзов, столкновение с модерном стало экзистенциальным вызовом. Глобальный модерн принес с собой новые формы социальной организации, индустриализацию и, что наиболее важно для нашего анализа, – иную темпоральность.

В отличие от традиционного "времени предков", где прошлое, настоящее и будущее слиты в единый сакральный круг, модерн утверждает векторность и необратимость истории. В произведениях М.О.Ауэзова мы видим, как герои мучительно, но неизбежно адаптируются к этому новому ритму. Писатель фиксирует момент, когда степное пространство перестает быть замкнутым и втягивается в орбиту мировых исторических процессов. Таким образом, творчество М.О.Ауэзова становится уникальной площадкой, где локальный опыт кочевого мира встречается с универсальными вызовами глобализации, создавая новый тип синтетического мировоззрения

Трагедия перехода и «время перемен»

Время у М.Ауэзова – это процесс «выхода из изоляции». Он доказывает, что казахская культура не является застывшим реликтом прошлого, а способна быть динамичной частью общемирового развития.

Модерн как «осознанная необходимость» не означает уничтожение кочевой души. Это попытка пересадить кочевой гуманизм (честь, верность слову, единство с природой) на почву современных институтов (школа, наука, право).

Переход от кочевого строя к модерну – это не плавная эволюция, а тектонический сдвиг. М.Ауэзов показывает, что «время перемен» неизбежно разрушает старую идиллию (единство рода), принося взамен одиночество личности.

Трагедия Абая – это трагедия человека, который перерос свое время. Он уже в модерне, в то время как его народ еще в «степном цикле».

М.Ауэзов строил свою главную книгу не просто как биографию, а как хронику тектонического сдвига времен, где эпическая статика степи взрывается динамикой личностного самосознания[4, 248].

З.А.Ахметов отмечает, что «трагедия Абая у Ауэзова – это не пессимизм, а высшая форма исторического оптимизма. Через страдание героя рождается новое самосознание народа»[5, 158].

Для М.Ауэзова «связующая нить» - это не отказ от корней ради глобализации, а трансформация. Кочевая цивилизация в его концепции не исчезает бесследно, а передает

свои этические ценности (честь, гостеприимство, близость к природе) новому, модернизированному обществу.

Синхронизация национального бытия с мировым историческим процессом

Классик французской литературы Луи Арагон видел в М.Ауэзове не «певца экзотики», а мастера, решившего общечеловеческую задачу – описание рождения Личности[6, 512].

Перевод романа на 116 языков мира служит подтверждением того, что предложенная М.Ауэзовым модель интеллектуальной преемственности вышла за пределы национального контекста, став органической частью мирового литературного процесса. Проблемы Абая (выбор, долг, время) оказались понятны читателю в Париже, Лондоне и Токио.

Модерн принял кочевую цивилизацию через текст Ауэзова, потому что писатель нашел универсальный код (Логос), сохранив при этом уникальный дух(Космос).

Синхронизация не означает растворение. М.О.Ауэзов доказывает, что кочевой опыт (институт чести, степная демократия, гуманизм) – это ценный вклад в мировую копилку, а не пережиток.

«Это одно из величайших произведений XX века... которое ставит казахский народ в один ряд с народами, имеющими многовековую письменную культуру» [6, 512].

Заключение

М. Ауэзов совершил сложный творческий переход: он сохранил эпическую глубину и своеобразие циклического времени степи, придав ему векторную направленность исторического прогресса. Это позволило казахской культуре выйти из состояния «этнографической изоляции» и синхронизироваться с мировым временем.

Образ главного героя выступает точкой пересечения эпох. Через Абая писатель транслирует мысль о том, что кочевая цивилизация обладает мощным этическим потенциалом, который необходим глобальному модерну для сохранения человечности и духовных ориентиров.

Концепт «времен связующей нити» доказывает, что модернизация для Ауэзова – это не отказ от национальных корней, а их органичная эволюция. Творчество писателя превратило казахское культурное пространство в «открытую систему», готовую к диалогу с любыми цивилизациями.

Таким образом, время в художественном мире Ауэзова – это не хронологическая последовательность, а живая связь смыслов, превращающая локальный опыт кочевников в универсальное достояние человечества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахметов З. А. Роман-эпопея Мухтара Ауэзова. – Алматы: Санат, 1997. – 288 с.
2. Ауэзов М. М. Времен связующая нить / М. М. Ауэзов. – Алма-Ата : Жазушы, 1972. – 256 с.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Общие вопросы : ковчег сознания / Г. Д. Гачев. – М. : Советский писатель, 1988. – 445 с.
4. Анастасьев Н.А. Трагедия триумфатора: Мухтар Ауэзов: судьба и книги. – Алматы: Атамұра, 2007. – 503 с.
5. Ахметов З. А. Мухтар Ауэзов – мастер художественного слова / З. А. Ахметов. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 237 с.
6. Арагон Л. Собр. соч. в 11 т. Т. 10. – М., 1961.
7. Ауэзов М. О. Путь Абая : роман-эпопея : в 2 т. / М. О. Ауэзов ; пер. с каз. А. Пантиелева. – Алма-Ата: Жазушы, 1980. – Т. 1. – 640 с.
8. Ауэзов, М. О. Мысли разных лет : статьи и эссе / М. О. Ауэзов. – Алма-Ата : Казгослитиздат, 1961. – 516 с.
9. Касымжанов А. Х. Портреты: Штрихи к истории интеллектуальной культуры Казахстана / А. Х. Касымжанов. – Алматы : Қазақ университеті, 1995. – 128 с.
10. Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников / сост. Л. М. Ауэзова, М. С. Машакова. – Алматы : Жазушы, 1997. – 448 с.